

Кай Кью

Ну и жуткая музыка!

В небольшом лифте играла музыка немного напоминающая стоны привидений, которые не могли дождаться, когда же это медленное ведро наконец доедет до шестого этажа, и потому решили сыграть на его мелодичных тросах, поскрипеть пружинами, ну и потормозить банкой с гвоздями, куда же без неё.

И вся эта энергичная какофония, с нотками потустороннего тлена и самой такой повседневной ненавистью ко всему имеющему слух, доносилась из решётки динамика в углу.

— Ну и жуткая музыка! — хмыкнул парень, бросив взгляд на решётку. — Лучше вообще никакой, чем такая.

Крупная женщина, в обтягивающем каждую складку жира белом платье с блёстками, медленно повернула свои торчащие глаза, подобно жабе следящей за добычей. Хотя в сравнении с ней он был не сильно больше комара.

Слов за этим не последовало, её глаза повернулись обратно и продолжили обжигать двери. Стань воля материальна в этот миг, она бы открыла их одной силой мысли, вместе с тем разорвав напополам весь бренный мир.

Наконец лифт остановился, неспешно обдумал все подъёмы и падения своей жизни, после чего решил открыть двери и выключить музыку.

Парень взглянул на дешёвые китайские часы, то ли украшавшие его запястье, то ли пятнавшие, и с лёгкой улыбкой на лице пошёл к своему рабочему месту, исполнив ежедневный обряд пожимания холодных, потных, липких, или «всё сразу» рук своих коллег.

Он сел в офисное кресло, в котором китайские часы тут же узнали собрата по подвалу, расчётливо выдохнул, добавив немного кислорода открытому офису, и натянул наушники с микрофоном, поменяв свой статус в программе на «доступен».

Через две секунды раздался звонок и начался очередной день работы в центре анонимной помощи.

Этот вызов поступил от шутника, парень понял это в первую же секунду, а вместе с тем его улыбка превратилась в унылую гримасу. На самом деле, ещё за первые два месяца он научился определять шутников по тону, громкости, и даже скорости их речи, однако никогда не доверял смутному ощущению «этот идиот отнимает время оператора, когда кому-то может реально потребоваться помощь». Тихий – не всегда тихий, впрочем – смех на фоне, отбрасывал все сомнения.

И парень сделал то, что должен был: продолжил сеанс связи совершенно серьёзно. Просто на случай, если звонок вдруг окажется не шуткой. Когда-то это правило раздражало, но сколько раз на его карьере новички бросали такие вызовы, а потом «шутник» решал покончить с жизнью?

Ну, звонки были анонимными, так что чёрт знает. Может ни разу. Может каждый раз. Но даже если его подозрение унесёт всего одну жизнь, разве это не трагедия? Да и штраф получить не хотелось.

Поэтому все сорок минут он развлекал этих беспризорных мальчишек, считавших, что оскорблять взрослых по телефону весело и задорно, пока на них там не закричала какая-то женщина.

Связь вдруг прервалась, парень позволил себе тихо скрипнуть зубами, и выдохнул, едва уложившись в пять секунд, прежде чем ему направили новый звонок.

Этот оказался странным. Он уже получал такие звонки – в офисе их звали «скромняшками», – но обычно звонивший просто молчал или сопел, а не громко дышал в трубку и...

Парень прислушался.

Ну да. Человек куда-то бежал, громко стуча подошвами. И довольно быстро, если о скорости можно судить по звуку.

Продолжалось это не больше минуты, в течение которой он пытался выйти на контакт с неизвестным бегуном, после чего связь оборвалась, и в ту же секунду ему поступил следующий звонок.

Вот этот мужчина реально нуждался в помощи. Сперва его жена скончалась от рака, а через неделю пьяный водитель сбил дочь со внуками. Он попытался утонуть в работе над проектом, которым занимался практически двадцать лет и почти закончил, но теперь не может сделать последние несколько шагов, потому что чем-то заболел и начал забывать даже собственную семью, не то что проект.

Мужчина рассказывал ему всё это, давясь слезами, и парень сам чувствовал ком в горле, хотя слышал истории похуже и далеко не раз.

Что на такое можно ответить? Как утешить? Как обнадежить?

Парень помолился всем богам, от шумерских до Макаронного Монстра, когда мужчина выговорился, поблагодарил, и повесил трубку, так и не дав ему сказать ни слова.

Он и выдохнуть не успел, а на него уже перевели следующий звонок.

Под вечер его слегка потряхивало, кожа стала бледной как у призраков, что завывали в проклятом лифте, но волосы не стояли дыбом и зубы не стучали, так что день прошёл неплохо.

Парень доехал на автобусе до деревни и пятнадцать минут, покачиваясь, шёл до её другого края, наслаждаясь прохладным осенним ветерком и пытаясь прийти в себя под тяжёлым серым небом.

Белая краска на его маленьком домике слегка облупилась и потускнела, сменив цвет с «лабораторной крысы» на «сельскую мышь», деревья роняли свою жёлто-красную листву, а поседевшая собака при виде него прищурила блёклые глаза.

Секунду парень оцепенело пялился на неё, после чего его губы чуть приподнялись в намёке на улыбку и он потянул к ней руку.

Её растерявшие зубы челюсти сомкнулись так близко, что отвисшая щека хлопнула по кончику его пальца. Сразу после неудачного покушения, собака начала лаять.

И не затыкалась всё время, пока он сгребал листву, готовил ужин себе и ей, смотрел сквозь телевизор, и пытался уснуть.

Лай уже давно не мешал ему спать, в отличие от кошмаров. Поэтому его разбудил не лай, а внезапно наступившая тишина.

С расширенными зрачками, он взял в одну руку фонарик, а другой поднял из под кровати лом. Накинув халат, парень на подрагивающих ногах вышел за дверь.

И увидел девушку, глядящую собаку. В синеватом свете луны её кожа выглядела полупрозрачной, а длинное белое платье, казалось, сияло само по себе, как и светлые волосы.

Его глаза широко раскрылись, лом выпал из руки и застучал по деревянной лестнице, а дрожащий голос с трудом выдавил слова:

— Э-это ты...?

— Это я, — ответила она, повернув голову и улыбнувшись ярче тысячи звёзд. Светлые волосы стекли с её плеча подобно воде, переливаясь в свете луны как янтарная река.

— Где ты пропадала целый год?

— Помогала тем, кто нуждался в этом больше тебя.

— Эээ, а я тебя послушал тогда. Теперь тоже помогаю таким как, эм, я, — он тихо засмеялся и потёр затылок, отведя взгляд в сторону.

Она медленно поднялась, а вместе с ней поднялся лёгкий ветер, в котором её волосы развевались подобно осенней листве.

Парень не успел пригласить её в дом, она сама проплыла мимо него, и он слегка прикрыл глаза, впитывая носом каждый атом такого знакомого аромата яблок и барбариса.

Подобно ветру, она шагала неслышно в своих белых туфлях, и переступала бесшумно без них, не оставляя за собой никаких следов. Даже примятый ворс ковра распрямлялся вслед её стопам, будто не желал отпустить.

Проходя мимо тумбочки, она провела кончиками пальцев по верхней рамке фотографии, на которой парень, ещё совсем молодой, обнимал старушку и девушку, похожую на него, но парой лет младше. На рамке не было ни пылинки.

Она села на старый диван, который как-то неуверенно скрипнул, и парень сел рядом, но уж на нём-то диван отыгрался, закричав во все доски.

Под тусклым светом луны, они разговаривали всю ночь напролёт.

Он рассказал ей несколько безумных историй с работы, о том, как одно слово, порой, может перевернуть мир человека зажато судьбой в угол.

Она рассказала ему о своих странствиях, о том, как зайцем проехала всю страну, как познакомилась с прекрасными людьми в местах, готовых накормить в обмен на работу, как искала крышу над головой в холодные дни.

С первыми лучами солнца она отправила его в кровать, а сама, словно хозяйка этого дома, достала из шкафа постель для себя. И постелила её на полу рядом, ибо терпеть не могла спать на мягком.

Утром, вырубив будильник за минуту до того как он сработал, парень на цыпочках прокрался в кухню, приготовил завтрак на троих, включая собаку, и пошёл на работу.

В этот раз даже автобус пришёл вовремя, поэтому он добрался до работы чуть раньше крупной дамы и заметил её, лишь когда двери лифта начали закрываться. Тогда она сотворила немыслимое.

Побежала.

Её складки жира болтались в толще воздуха подобно плавникам; ноздри превратились в две воронки, тянущие воздух и тянущие за этот воздух себя; кожа жирного лица обтянула череп как жуткая маска; а волосы вытянулись струной за её спиной.

В истории всего этого брального мира, не было ещё столь грациозной пятиметровки, и от того так печально становилось, что не попала она ни на одну из камер.

Парень от изумления даже забыл придержать двери, но женщина прошмыгнула в них как форель, оставив на стальных челюстях лишь пару чешуек – блёсток с платья.

— Раньше я любила бегать, — сказала она, втягивая носом воздух так, словно учуяла трюфели.
— А сюда устроилась и начала жрать как боров. Валишь пора.

— Кажется, сейчас я услышал от тебя больше слов, чем за весь год работы, — засмеялся парень. И немного замялся, когда реакции не последовало. — Кхэм, если и бежать отсюда со всех ног, то под жуткую музыку этого лифта.

Действующий на нервы вой оркестра привидений не умеющих играть на своих призрачных музыкальных инструментах начался с хрипа, но увеличивал громкость всю поездку, будто они не в лифте ехали, а в приборе какого-то сумасшедшего учёного приближались к границе загробного мира.

В которой работали пограничниками.

Пожелав ей удачного дня и вновь пройдя обряд рукопожатий, он занял кресло – ещё тёплое после прошлого оператора – и сменил свой статус на «доступен». Начался очередной день выслушивания леденящих кровь ужасов и попыток переубедить людей, которым не нашлось места в обществе, только в таинственных и зловещих замыслах судьбы.

Очередной день работы, которая позволяла ему спасти самое ценное на всём белом свете.

Снова ему достался звонок странного «скромняшки». Человек по ту сторону трубки тяжело дышал, но не бежал, а куда-то ехал, если судить по гомону людей и периодическому свисту дверей.

Парень несколько бесплодных раз попытался дозваться неизвестного, и снова тот просто бросил трубку через минуту. Оставалось только пожать плечами и принять следующий звонок.

Этим вечером, заходя в лифт, он был выжат не так сильно и на его лицо даже пробиралась улыбка. То ли это просто губы подёргивались.

Снова так вышло, что ехали они вдвоём с крупной женщиной, и он как раз разглядывал решётку динамика, словно пытаясь увидеть в ней того, кто выбирал такую музыку и громкость,

когда она спросила:

— Ты в этом году отпуск брал?

— Неа.

— Выглядишь так себе. Лучше возьми, пока крыша не поехала.

— Та не выпался просто, — улыбнулся он ей.

Она прищурилась, от чего её глаза вкатились обратно в череп, но затем продолжила смотреть на двери лифта в тишине.

В этот раз, покинув автобус, он не шёл домой, а бежал вместе с холодным ветром пасмурной осени, не обращая внимания на взгляды старушек, которые подобно воронам заняли каждую плоскость в деревне и теперь весь вечер будут говорить об этом мифическом звере, «человеке спешащем».

Он распахнул калитку, пролетел двор и запрыгнул в дом так, словно только что вспомнил о включенном уюте, с улыбкой облегчения обнаружив девушку в почти сияющем белом платье, читающую газету за столом.

— Я хотела приготовить ужин к твоему приходу, — сказала она, подтолкнув пустую тарелку, — но из ингредиентов в холодильнике получилось только вот это.

Немного покраснев, он вышел за дверь и поднял голову навстречу морозящему дождю. На его глазах порыв ветра сорвал последние жёлтые листочки с деревьев у дома и унёс их в своих холодных руках.

Он опустил взгляд на листву, укрывшую двор жёлто-красным ковром, но махнул на грабли рукой и пошёл в сарай за яйцами, из которых приготовил яичницу на троих.

— Ты тут не голодала? — спросил он за едой.

— Я всё равно собиралась по деревне пройтись, а многие старушки всегда рады пригласить на пирожок-другой благодарную слушательницу их бессчётных историй. И видел бы ты, как они расцветают от похвалы.

— Это теперь вся деревня будет говорить, что у меня появилась девушка, да? — цокнул он языком. — Хотя я был бы рад, будь это правдой. Жаль, что ты такая свободолюбивая птичка.

— Может, однажды я налетаюсь, но не жди этого момента, живи.

Он лишь покачал головой.

Вся вторая ночь пролетела мимо за несколькими кружками чая. В этот пасмурный день даже луна не выглядывала из своего дома в облаках, но им хватало сияющих улыбок друг друга и свечи на столе. А с рассветом ей пришлось проводить его в постель довольно крепкими пенделями по щуплой заднице.

— Останься ещё хоть на один день, пожалуйста, — попросил он.

— У меня такое чувство, что в этот раз я останусь с тобой навсегда, — ответила она.

— Ну да, ну да.

Вновь проснувшись незадолго до будильника, он первым делом приподнялся с кровати и взглянул за край. Она всё ещё спала рядом, застелив деревянный пол одной лишь простыней, и улыбалась во сне.

Он тихо поднялся и прошёл на кухню, приготовил на завтрак кашу, и поспешил на работу раньше, чем она проснулась.

Обычно, в автобусе улыбался один только он, будто пытался разогнать хмурые тучи, нависшие над головами остальных, но в этот раз ему отвечали взаимностью все. Он даже проверил, не испачкался ли в чём-то. Будто сегодня наконец рак на горе свистнул и вся страна разом вспомнила, что умеет улыбаться.

В этот день он поднимался в лифте один, но даже на работе все улыбались, принимая его рукопожатия, и голоса людей стали казаться ему не тленными и серьёзными как музыка на похоронах, но уверенными и обнадеживающими как солнце, просвечивающее сквозь море облаков.

Чуть ли не впервые за всё время работы, он сам без труда находил идеальные ответы звонившим, и даже шутника парой наводящих фраз заставил подумать над своей жизнью. А когда ему вновь, третий день подряд, попался скромняшка, то тихо рассмеялся.

И это был тот самый человек, которого он уже узнавал по тяжёлому дыханию, однако теперь звуком на фоне снова стали спешные шаги.

Потом они остановились, послышался тихий щелчок кнопки и скрип задвигающихся дверей, а через мгновение начала хрипеть музыка, немного напоминающая стоны привидений, решивших сыграть на мелодичных тросах, поскрипеть пружинами, ну и потормозить банкой с гвоздями, куда же без неё.

Он сбросил с себя наушники и помчался к лифту, ловя странные взгляды то ли улыбающихся, то ли скалящихся коллег, и подлетел к самым его дверям.

Лифт двигался. Он слышал это не только по стонам тросов, но и по приближающемуся завыванию музыки.

Его сердце колотилось, глаза то смотрели на дверь, то судорожно метались по сторонам, останавливаясь на каждом остром и тяжёлом предмете.

Вот тросы прекратили стонать. Вой музыки сменился хрипом, хрип сменился тишиной. Двери медленно открылись и из него вышла крупная дама.

— Что-то случилось? — нахмурилась она, разглядывая его широко раскрытые глаза.

— Эээ, да не, видимо не только в нашем лифте такую музыку поставили, — покраснел парень и вдруг засмеялся. Он смеялся долго, хохотал, держась за живот и стирая слёзы, пока она молча наблюдала за ним.

Когда он наконец закончил и забубнил, будто сочиняя какое-то оправдание из одних только гласных, она положила ему на плечо руку и устало сказала:

— Сходи к мозгоправу, пока не поздно. Или хоть отпуск возьми. Нет у нас в лифте никакой музыки.

..

..

От автора:

Благодарю за прочтение.

Поделиться мнением и прочитать интересные факты можете на моём сайте:
https://kaiq.ru/books/62_what_a_terrible_music/#ff

<http://tl.rulate.ru/book/47460/1134824>